

16+

КЛЕПТОМАНКА

Звезда пленительного несчастья

Станислава Бер

Клептоманка

Станислава Бер

**Клептоманка. Звезда
пленительного несчастья**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бер С.

Клептоманка. Звезда пленительного несчастья / С. Бер —
«ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Клептоманка)

ISBN 978-5-532-07350-0

Регина Ростокская — обычная девушка с необычным даром. Она легко «видит» чужие воспоминания и пользуется своими способностями не в личных целях, а помогая людям. В Старграде начинаются съёмки фильма о герое войны, командире партизанского отряда. Но сможет ли режиссёр закончить дело, если убивают исполнителя главной роли, знаменитого на всю страну актёра. Подозреваемых много. Регине не сразу удастся вычислить опасного преступника. Разгадка тайны удивит саму Клептоманку.

ISBN 978-5-532-07350-0

© Бер С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Солнечный удар	8
Обещание надобно держать. Дневник Эммы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Грехи прошлого звенят и в настоящем...

* * *

Как же ей всё это надоело! На-до-е-ло. Именно так – медленно и по буквам. Этот город, эта школа, этот класс, а особенно тётка Матильда. Все надоели!

За окном бесновалось весеннее солнце – слепило прохожих, прыгало по домам и машинам, отражаясь от стеклянных и глянцевых поверхностей. В классе же солнечные лучи подсвечивали взбунтовавшуюся пыль.

Регина зажмурилась и отвернулась от окна. Перемена только началась, и оголтелые выпускники, не лучше вкусивших первой свободы первоклашек, соскочили с мест и понеслись – кто покурить за гаражами, кто в туалет губы подкрасить. В классе осталась небольшая кучка ребят.

– Бррр, – не выдержала Регина и скривилась от одного упоминания тёткиного имени.

Гадость, а не сочетание гласных и согласных букв. Тошнотворный спазм в области желудка, а не женщина преклонных лет, родственница, которая взяла их с братом под опеку после смерти родителей и измывалась над ними два года, устроила концлагерь в отдельно взятом доме. Они были и дармоеды, и нахлебники, и наказание господнее за все грехи. А иначе она и не могла – характер такой. Фельдфебель в юбке!

"Ничего. Скоро выпускной. Вот получу аттестат и в областной центр уеду. В педагогический колледж документы подам. Илюшку жаль оставлять с ней, но ничего – выучусь и заберу его к себе", – подумала девочка, поправила шарфик, скрывающий неприглядные следы от ожогов, и просияла.

Регина попыталась даже улыбнуться этим мыслям, но растянуть губы в улыбке у неё не получалось. После пожара она разучилась улыбаться – не стоит и пробовать. Зато теперь у неё другие способности – она "видела" воспоминания людей, прикасаясь к их руке. Девочку они сначала пугали, но потом она поняла, что это дар свыше, и она может им воспользоваться в любом деле. Наверное, всё-таки в любом ХОРОШЕМ деле. Регина даже перестала воровать. Ну, ладно, иногда всё же подворовывала – ну, так, по мелочи. А с кем не бывает?

– Ростоцкая, ты чего светишься, как медный пятак? Пятёрку что ли по контрольной работе получила? – обратила внимание на одноклассницу вездесущая Светка Королькова, подлетая к её парте.

Энергичная девушка успела краешком глаза оценить, какой эффект произвела на мальчиков длина её новой мини юбки. Да. Получилось. Повзрослевшие одноклассники с торчащими кадыками пялились на её ноги, сглатывая слюну.

– Где я и где пятёрка? – вопросом на вопрос ответила Регина и отвернулась к окну, ставя точку в разговоре, который так и не успел начаться.

Королькова даже и не думала обижаться. Во-первых, все знают, что Ростоцкая "с приветом". Во-вторых, её внимание переместилось на другую одноклассницу. Алёнка Новак скулила. Да, да, именно скулила, тихонечко так подвывала, вздрагивая жидким подбородком. Их у неё было два.

– Опа, Опа! Стопе! Что ты тут за наводнение устроила? – спросила Королькова, по-свойски подняла голову упитанной девочки, заглядывая в покрасневшие глаза.

– Я... У меня... Нет... И не будет, – выдавливая из себя Алёнка обрывки слов, перемежая их всхлипываниями.

– А ну-ка тихо! – заорала Светка и вlepила Алёнке пощечину.

Новак замерла на миг, распахнув до предела коровьи глаза в белёсых ресницах, сглотнула и пришла в себя.

– В общем, я на выпускной вечер с вами не пойду, – спокойно сказала Алёнка, грустно вздымая тяжёлую не по годам грудь под школьной формой.

– Чёй-то? – включился Ваня Фомин, подлезая к Новак с другого от Корольковой бока.

– Родителей обокрали. У нас денег нет ни на ресторан, ни на платье. Мамочка родная!

– Кто обокрал? Взлом был? – с последней парты прорезался голос полноватого, но поделовому настроенного Руслана Архипова.

– Не-а, – замотала двумя подбородками Алёнка.

– Что пропало? – спросил Руслан, перебираясь поближе.

– Все деньги и мамино золото.

– А ты где была? – успела вклиниться в допрос Королькова. Архипов явно оттирал её из главных дознавателей класса.

– В... школе, – неуверенно и не сразу ответила Новак. Губы задрожали, и на белёдые ресницы выкатились капельки слёз.

– Ты давай не раскисай. Не в лесу живёшь, среди людей. Мы родителей попросим и скинемся тебе на ресторан, – сказал сердобольный Ваня Фомин и положил руку Алёнке на плечо.

– А я тебе платье одолжу. У меня их много. Найдём какую-нибудь красивую разлетаечку по твоей фигуре. Не бойсь, Новак! Прорвёмся! – подбодрила Светка, улыбаясь.

– Правда? – спросила Алёнка и недоверчиво посмотрела на одноклассников.

Регина вспомнила, как все девять лет учёбы в школе они дразнили её жиробасиной или короной Милкой, очень уж любила Алёнка шоколадку с фиолетовой обёрткой, а теперь вдруг такая душевная щедрость. Откуда? Неужели одноклассники повзрослели, и детская жесткость сменилась взрослой мудростью и добротой? Не верилось.

Ростоцкая подошла к повеселевшей однокласснице и взяла её руку в свою. Регина, державшая дистанцию со всеми, сначала напугала Алёнку, а потом задала вопрос и напугала ещё сильнее:

– А ты точно была в школе в момент ограбления?

Воздух в классной комнате, освещённой ярким солнечным светом, задрожал, покрылся рябью и лопнул. Регина оказалась в воспоминании Алёны Новак.

Алёнка шла по парку, переваливаясь с ноги на ногу, как пингвин.

"Неуклюжая, толстая, ещё и тупая. Как же мне влетит от отца вечером, скорее всего ремнём по жирной заднице", – подумала девочка и пнула попавшиеся некстати прошлогодние пожухшие листья.

Весна в самом разгаре, нудная школа должна была остаться в прошлом навсегда, но математичка грозилась оставить её на второй год. Алёнка остановилась и громко вздохнула.

"Контрольную работу написала на двойку. Мамочка родная!"

– Эй, сдобная булочка! Чего нос повесила? Такая красавица, и загрустила.

Алёнка подняла удивлённые глаза. Перед ней стояла старая смуглая женщина в цветастой юбке и таком же цветастом платке, повязанном на голову. Лет тридцать точно. Девочке стало так приятно и спокойно, как никогда раньше.

Огромные карие глаза даже не улыбались, они ласкали девушку, обволакивая её со всех сторон невидимым пуховым одеялом. Оторваться от этого взгляда не было никаких сил. Она и не сопротивлялась.

– Не подскажешь, как пройти к банку? – спросила цыганка и так сердечно улыбнулась, обнажая рот с золотыми зубами, что Алёнка согласилась проводить её до места.

По дороге девочка рассказала ей всё. Вот прямо всё-всё: про занудную математику, про провал на контрольной работе, про отца с ремнём. И такое почувствовала облегчение.

– А хочешь, я тебе помогу? – спросила смуглянка, хватая её за руку.

– Как? – хлопала наивными ресницами Алёнка.

Глаза женщины уставились прямо на неё. Они заполнили всё пространство вокруг.

– Собери в квартире деньги, золото и украшения и вынеси мне. Я во дворе ждать буду. Отдай, и все печали улетят прочь как стая птиц, – сказала цыганка, собирая в кулак все её проблемы, дунула на кулак и в небо посмотрела. Девочка проводила глазами улетающие печали и решила.

Алёнка сделала всё, что приказала старая женщина, не раздумывая, вынесла ценности из дома и отдала новой приятельнице.

– Только взрослым не говори, а то родители твои умрут мучительной смертью. Поняла? – спросила цыганка и поцеловала её в лоб. Как припечатала на молчание.

– Поняла, – ответила девочка и стала ждать счастья.

Счастья она не дождалась, а вот родителей дождалась. Они, когда вернулись с работы, подняли такой шум. Кричали, бегали, копались в вещах, искали деньги, трясли за плечи свою толстую дочь. Точно не брала? Алёнка мотала головой из стороны в сторону. Что она совсем глупенькая, что ли? Расскажет правду, а мама с папой раз и умрут. Нет, она такого не хочет.

Регина отпустила руку одноклассницы и перенеслась из комнаты Новак в класс. Росточка посмотрела на Алёнку, размышляя, что со всем этим делать?

– Алёна, а ведь ты не всё нам рассказала, – сказала Регина.

– Нет, всё, – заупрямилась Новак. – Всё!

– Я видела тебя в парке с цыганкой.

– Ну и что?! – грудной, глубокий голос Алёнки вдруг сорвался на фальцет.

– Признайся, ты сама всё вынесла из дома. Да?

Алёнка закрыла лицо пухлыми белыми руками, кинулась на парту и зарыдала. Ребята замерли на секунду от неловкости. Королькова не выдержала первая, обняла и стала утешать горе-обманщицу.

– Вы только никому не говорите. П-п-пожалуйста, – всхлипывала девочка. – А то они умрут! Родители мои умрут, если рассказать правду. Так она сказала мне. А-а-а!

– Ну, как можно в это верить?! – возмутился Архипов, сотрясая копной светлых кудрей. – Как?! Мы живём в двадцать первом веке, а ты веришь в проклятия. Не умрут твои родители. По-крайней мере, сейчас. Пошли.

– Куда? – спросила Новак, переставая рыдать.

– В милицию. Нужно поймать эту цыганку. Она ведь может других обмануть. Ты об этом подумала?

Солнечный удар

Эмме было страшно. Страшно любопытно. Почему папеньку положили в большой деревянный ящик? Почему маменька надела всё чёрное, красивое, конечно, с кружевами, с вуалью, скрывающей заплаканное лицо, но всё чёрное? А эта загадочная женщина с глазами-льдинками, в чёрном монашеском одеянии, кто она? Назвать её старухой, Эмма не могла – слишком прямая спина и взгляд, как у Великой княгини, которую она видела во дворце – тоже великий, или, как сказала, маменька, горделивый. Почему ящик опустили в приготовленную яму, а маменька плакала, прижимая её к себе? Почему, когда они вернулись домой, женщина с горделивым взглядом так пристально на неё смотрела?

После осенней кладбищенской сырости в квартире, которую они снимали на Екатерининском канале, было уютно: натоплено и пахло пирогами. И поминальный ужин был готов. Кухарка постаралась. Эмма сняла пальто и ботинки и долго отогрела озябшие пальцы у изразцовой печи.

– Познакомься. Эта твоя бабушка, – просто сказала маменька, подводя девочку к горделивой монахини, сидящей в креслице с резной спинкой, так любимом папенькой. – Матушка Калиса, это Эмма.

– Приятно познакомиться, Эмма, – сказала женщина, медленно вставая и протягивая морщинистую белую руку.

Эмма пожала сухую, как бумага, ладонь. Бабушка села обратно в креслице. Маменька погладила девочку по золотистым кудрям и ушла к гостям – полковым сослуживцам папеньки, подругам, бывшим фрейлинам при дворе её Высочества Великой Княгини, где её и повстречал бравый гусар Ростоцкий и сразил сердце юной фрейлины наповал. Без единого выстрела. Только пышными подкрученными усами. Так маменька сказывала.

– Сколько тебе лет, дитя? – спросила бабушка Калиса.

– Пять исполнилось в минувший четверг.

– О, да ты совсем взрослая, – удивилась женщина в чёрном. – А я ничего о тебе не знаю. Например, в кого у тебя такие зелёные глаза? Чисто изумруды.

– Я тоже о Вас ничего не знаю. Почему Вы не приезжали к нам раньше? – спросила Эмма и нахмурилась. Изумруды сверкнули гневливо.

– Я далеко живу, на Урале. Да и батюшка твой покойный не приглашал меня в гости.

– Он – Ваш сын? – догадалась девочка.

– Да. И он не понимал моего ухода в монастырь.

– А почему Вы ушли в монастырь? – настаивала на рассказе Эмма.

– Понимаешь, у меня не было больше детей, а твой отец вырос и ушёл служить в армию.

Муж мой, твой дед, погиб. Куда мне было идти?

– К Богу? – опять догадалась внучка.

– Верно, – сказала бабушка и улыбнулась лучистыми льдинками глаз. Эмма даже зажмурилась, так ярко они светили. – А ты умная девочка, как я посмотрю. Приедешь ко мне в гости летом?

– В монастырь? Я что же тоже буду монахиней?! – испугалась девочка.

Бабушка засмеялась, прикрывая рот морщинистой рукой, но внучка успела разглядеть щербинку – промежуток между передними зубами. Как у папеньки. У Эммы два нижних зуба уже выпали. Молочные, как сказала маменька. Интересно, а много ли в них молока?

– Нет, не будешь. Если сама не захочешь уйти в монастырь, – сказала бабушка Калиса, отсмеявшись.

– Эмма, пойдём, я тебе что-то покажу!

В комнату с криком вбежал рыжий лопухий Николенька Радов, сын маминой подруги, тоже бывшей фрейлины. Она хотела ещё поговорить с этой женщиной – надо ли называть её бабушкой? – к которой её удивительным образом тянуло, даже больше, чем в кондитерскую на углу, но Коля схватил девочку за руку и потащил показывать новых оловянных солдатиков. Как будто ей они интересны. Ох, уж эти мальчишки!

Зато летом всё изменилось. Эмма упростила маменьку отправить её на Урал. Матушка Калиса регулярно писала, справляясь об их делах, и маменька разрешила навестить бабушку.

Разрешила! И теперь Эмма спит в келье – так в монастыре называются спальни, ест вкусную кашу на молоке, ходит с любимой бабушкиной собакой Альфой купаться на озеро близ монастыря, забирается на крепостные стены под присмотром сестры Евдокии и смотрит вдаль, закрывая глаза от яркого солнца ладонью. Так в старину женщины-воительницы осматривали окрестности и, если нужно, защищали подданных от врагов. Бабушка ей читала такую книгу на ночь.

– Чем ты сегодня займёшься? – спросила внучку матушка Калиса за утренней трапезой.

– Дел много: сначала будем читать Евангелие, потом помогу послушницам кормить кур, уток и свинок, – ответила Эмма, загибая пальцы.

Альфа подала голос. Девочка посмотрела на собаку, сидящую у бабушкиных ног.

– Если будет жарко, пойдём с Альфой на озеро купаться, – добавила она.

– Ты кое-что забыла в своём списке, – с укором сказала бабушка.

– Что?!

– Помолиться.

– Ой, простите, матушка-настоятельница. Совсем вылетело из головы, – сказала Эмма, хлопнув по лбу ладонью. – Сегодня же служба.

– А ещё я покажу тебе школу для крестьянских детей и больницу.

– Так тут что, есть ещё дети? – обрадовалась Эмма.

С ними можно было играть! Сестра Евдокия мало знала игр и была неповоротлива – бегала медленно, кидала близко, видела плохо.

– Нет. Школа летом закрывается. Крестьянские дети работают в поле: сено косят, урожай собирают. Дел у них сейчас много.

Эмма приуныла.

– Не горюй, – сказала матушка с улыбкой, погладив внучку по золотистым кудрям. – Завтра я тебя познакомлю с удивительным человеком – старцем Козьмой.

– Что в нём удивительного?

Она не понимала, что может быть интересного в старце – в старике с длинной седой бородой. То ли дело крестьянские дети – с ними и поиграть можно, и побегать, и попрыгать.

– Это непростой старец. Он помогает людям, умеет лечить, много читает и знает.

После завтрака и обязательного чтения Евангелия Эмма, наконец, вышла из дома. Начался новый день, и жизнь в монастырском дворе всюю кипела. Сестра Евдокия запрягала лошадь в бричку, отправляясь по делам в город, послушницы – кто подметал, кто работал в огороде. Деревенские мужики чинили крышу амбара. Самое интересное происходило на скотном дворе. Эмме нравилось следить за поросятами и утятами. Последние так потешно щипали травку, а первые бултыхались в луже. Девочка порой звонко смеялась. Становилось жарко. А потом вдруг свет померк.

Тем-но-та.

Чер-но-та.

– Девочка моя, ты меня слышишь?

Эмма открыла глаза. Над ней склонилась матушка Калиса. Синие глаза-льдинки смотрели встревожено.

– Слышу. Я ведь не глухая, – ответила девочка и зажмурилась от боли.

От произнесённых слов в голове загудело, как будто на неё надели ведро и ударили по нему палкой.

– Солнечный удар, – сказал кто-то из обступивших её монахинь.

Оставшийся день Эмме надлежало провести в келье и много пить. Квас, молоко, морс. Чего ей только не давали. К вечеру ей стало лучше. На следующий день бабушка повязала ей белый платок на голову и сказывала не снимать. На солнце долго не играть, заходить в тень. Осторожничать!

Эмма вышла во двор. Всё как будто выглядело по-старому, и всё же что-то было не так. Девочка не понимала, что именно. Она на днях стащила смешные окуляры сестры Евдокии, нацепила их на нос, посмотрела – мир вокруг расплывался. Как старая монахиня их носит? Зачем? Ничего не видно толком, одни очертания. Так вот. Сейчас Эмма всё видела чётко, но по-другому. С ней что-то произошло. Внутри. В голове. В душе. Солнечный удар, наверно, проник внутрь.

Она посмотрела на крестьян, перекрывающих крышу амбара, и сердце ёкнуло.

"Сейчас! Вот прямо сию минуту что-то случится!"

Мужик не удержал толстое бревно. Оно с грохотом скатилось и рухнуло на землю. Лошадь, стоящая неподалеку, взбесилась и лягнула любопытную Альфу. Да так сильно, что собака отлетела на три аршина и ударилась о камень.

– Альфа! – вскрикнула Эмма, подбегая к любимой бабушкиной собаке.

Альфа жалобно заскулила в ответ. Девочке показалось, что глаза собаки наполнились слезами боли. Нет, не показалось, она почувствовала страдание животного. Ноги отшибло, на туловище зияла открытая рана, сочилась кровь. Она опустилась на колени. Правая рука сама потянулась к увечьям и замерла в верхке от собачьего тела. Эмма закрыла глаза, её трясло. Рука горела огнём. Сколько она так сидела, непонятно. Как будто в сон провалилась.

– Экая у тебя десница. Чудотворящая, – произнёс густой голос за спиной.

Эмма оглянулась. Седой старик в холщовой подпоясанной рубахе стоял и наблюдал за её деяниями.

"Старец Козьма, о котором сказывала бабушка", – догадалась девочка.

Ладонь покрылась тёплой влагой. Эмма посмотрела, что там. Альфа, только что умиравшая в пыли двора, стояла на четырёх лапах и лизала ей внутреннюю часть руки, виляя хвостом. Рана не кровоточила. Больше того, она полностью затянулась. Чудеса!

* * *

К осени Эмма, подросшая и загорелая, вернулась в Петербург. Зимними вечерами, сидя у тёплой печи и листая толстые пожелтевшие страницы Библии – бабушкин подарок, она вспоминала вольную жизнь в монастыре у озера, предвкушая летние каникулы. Однако на следующий год маменька повезла её на море, на воды, на юг. Купаться в солёной воде, сверкающей на жарком солнце, и бегать с Николенькой Радовым по набегаящим волнам и брызгать, голыми пятками топая по морю – всё это здорово, конечно, но Эмма скучала по бабушке. Она увидела уральский монастырь только через пару лет.

Матушка Калиса немного осунулась, но глаза-льдинки всё также смотрели на неё с любовью. Эмма бросилась к бабушке, та обняла её, прижала к себе, наклонилась и поцеловала шершавыми губами в щёку. Сестра Евдокия тоже обняла Эмму и расплакалась.

– Вернулась, – сказала, всхлипывая, монахиня вместо приветствия. – Пойду распоряджусь, чтобы келью для тебя приготовили.

– Вот уж океан солёный напустила. Смотри, окуляры твои утонут, – напутствовала подругу матушка-настоятельница, пытаясь скрыть свои подступающие слёзы.

Покалеченная позапрошлым летом Альфа бегала по двору как ни в чем ни бывало. Только взвизгивала от радости встречи и лизала ладонь, когда немного успокоилась – вспомнила спасительницу. Так любимый ею некогда скотный двор переменялся – кур стало больше, утят меньше, построили новый свинарник, добротный, на десять рыл и пяточков. Девочку ждал сюрприз.

– Хочу посмотреть! Ну, пожалуйста! – канючила Эмма, упрашивая бабушку разрешить ей присутствовать при опоросе.

На третий день по приезду начала пороситься свинья. Толстая, с чёрными пятнами на боках, Машка визжала, выстреливая из себя розовые комочки с миниатюрными копытцами. Старшая скотница грузная сестра Феоктиста, только и успевала их ловить в серую суконную тряпицу, поглаживая Машку по пятнистому боку.

– Святые угодники! – выругалась монахиня.

Закатанный рукав рясы обнажил белую руку с ручейком струящейся крови. Поранилась. Сестра Феоктиста наспех перевязала порез тряпицей и, тяжело дыша, продолжила принимать поросят. Разродилась свинья, слава тебе, Господи!

Но вот один из них, самый шустрый, заверещал. Какой шустрый! Не успел появиться на свет Божий, уже требует сиську. Или монахиня его неаккуратно переложила? Машку как подменили. Материнский инстинкт свиньи проснулся вместе с криком поросёнка "Мама, меня обидели!". Машка повела пятаком в сторону пореза – кровь почувствовала, обнажила клыки и бросилась на руку монахини.

Эмма онемела и замерла, сидя на деревянном заборе, ограждающем свинарник.

– А-а-а! – заорала сестра Феоктиста, пытаясь оторвать животное от руки.

На помощь ей бросились другие инокини, вместе им удалось вырвать старшую скотницу из пасти свиньи. Как только это получилось, сестра, не смотря на солидный вес в четыре пуда, одним прыжком преодолела изгородь в сажень. Эмма открыла рот от изумления.

Ночью девочке снились кошмары. Машка с красными от злости глазами кидалась на неё, на Эмму. Она пыталась убежать, но ноги не слушались. Девочка посмотрела вниз, а там вместо ног кисель.

– Ну, же, успокойся, дитя. Тихо. Это только дурной сон.

Эмма открыла глаза. На кровати рядом с ней сидела матушка Калиса и гладила её по голове. Сидела она без рясы, без апостольника, в белой исподней рубашке, с подсвечником в руке. Пламя свечи всполохами освещало серые стены узкой кельи.

– Что же ты так кричишь? Всю обитель сейчас разбудишь, а то, гляди, и деревню.

Эмма даже не улыбнулась бабушкиной шутке.

– Свинья Машка. Она злая. Вот! Она сестре Феоктисте руку искалечила, а за мной во сне гонялась.

– Всё прошло. Помолись и спи, – сказала матушка, собираясь встать.

– Не уходи. Мне страшно, – нехотя призналась девочка. – Расскажи мне что-нибудь.

– Хорошо, слушай внимательно. Повторять не буду. Расскажу я тебе о предках. Моих, а значит и твоих. Вот ты кого знаешь из родни?

– Маменьку, папеньку, тебя, – загибала она пальцы на руке. – Сестру Евдокию, старца Козьму.

Бабушка засмеялась и поставила подсвечник на столик у кровати. Разговор обещал быть долгим.

– Сестра Евдокия и старец Козьма – не родня тебе, а знакомцы. Не путай. Я знаю первого Ростоцкого в России – Ганса Оружейника, но тогда он носил фамилию Хельмшмидт. Потом уже прапрадедушку Ганса сам Демидов окрестил Ростоцким.

– А почему?

– Это значило, что прибыл из города Росток, из Германии во времена Петра Великого и слыл первым оружейником в Московии, в немецкой слободе. Сам царь его заметил и приказал придворному художнику писать портрет. Видела в моей келье картину?

– Это он?!

– Да. А дочь его Агния, от огня рождённая – в неё молния попала при рождении, обладала сверхспособностями.

– Как это? – спросила Эмма, приоткрывая одеяло и наклоняясь к рассказчице.

– Она умела предсказывать беду и лечила людей. Вся округа к ней за помощью ходила.

– Я тоже так умею! – воскликнула девочка. – Помнишь, я Альфе рану залечила? А до этого я знала, что сейчас что-то произойдёт, и лучше держаться подальше от крыши. А Альфа не знала, вот и пострадала.

Бабушка поправила одеяло на внучке и поднесла палец к губам. Тс-с-с!

– Тише, тише. Про это говорить не стоит. Про это лучше молчать, – чуть слышно, почти шёпотом сказала матушка Калиса.

– Почему это? – спросила Эмма, нахмурившись. Ей-то хотелось кричать о своей силе.

– Во-первых, дар как приходит, так и уходит. Во-вторых, люди по-разному относятся к нам. Кто-то поблагодарит, кто-то ведьмой назовёт. Понимаешь?

– Понимаю, – вздохнула юная волшебница. Так она сама себя назвала.

– В-третьих, эти способности, они... Как бы тебе объяснить попроще? Они силу забирают, а иногда и здоровье. Нужно ими пользоваться с умом и по большой нужде.

– А какая нужда большая?

– Об этом тебе сердце подскажет – надобно помочь или не стоит тратить силу.

– Смогу ли я понять? – засомневалась Эмма.

– Сможешь. Я ведь тоже родилась такой, как прабабушка Агния: и беду чувствую, и лечить могу. Но у старца Козьмы это получается лучше, я и отступила. У меня монастырь на попечении, свои заботы.

Матушка Калиса уставилась на пламя свечи, замолчала, вспоминая.

– Однажды только батюшку от смерти неминуемой спасла.

– Расскажи, – потребовала внучка.

– С утра была сама не своя. Чувствую, убьют его. Просила, умоляла не ходить на завод. Батюшка ведь пошел по стопам деда, оружейником на Демидовских заводах работал, управляющим.

– Он послушался?

– Какой там! Упёртый, пунктуальный, как любой немец. Как это он службу пропустит! Нот Гут! Шёл, как всегда – о своём думая, не замечая, что я по пятам его следовала. И тут беглый каторжник на него с топором кинулся. Я закричала, фатер оглянулся, увернулся, а каторжника в это время на землю повалили.

Эмма бросилась к бабушке, прижалась, рыдая.

– Вот я – дура старая. Нет, чтобы успокоить ребёнка, стращаю страшными рассказами. Про убийства да про каторжников. Спи, не бойся. Я с тобой посижу здесь.

* * *

Как же ей нравится её новый статус – мужняя жена. Пышная свадьба, венчание в лучшей церкви Петербурга и самый красивый, несмотря на уши вразлёт, жених на свете – Николай Радов. Ни какой-нибудь столичный бездельник и кутила, а придворный служитель – подтянутый и деловой. Девушка улыбнулась весеннему солнышку, проникающему сквозь толщу оконного стекла трапезной и погладила округлившийся живот. Не живот, а чисто барабан. Кто же там у неё сидит? Великан?

Жаль только, что Николенька при дворе должен быть, а Эмму отправили к бабушке, в монастырь, так надёжнее – и за ней, и за будущим ребёнком присмотр будет.

– Какие же ты чудесные новости привезла, душа моя, – сказала матушка Калиса, прочитав столичный листок и откладывая его на стол. Обедом с дороги долгожданную гостью накормили, сидели теперь, чаевничали. – Отмена крепостного права. Сколько душ из рабства выпустил государь наш Александр II. Освободитель! Истина так.

– Да куда же они сейчас пойдут, хрестьяне-то? – недоумевала сестра Евдокия, вглядываясь в печатные буквы через круглые окуляры, смешившие Эмму в детстве. – При господине всё же им спокойнее. А сейчас что? Бардак значётся.

– Не болтай ерунды, если не понимаешь. Написано же чёрным по белому. Мы император и самодержец всероссийский, призвав Бога в помощь, объявляем, крепостные люди получают права свободных обывателей, а помещикам давать им уделы и угодья за повинность. Слышишь, Евдокия? Работать будут крестьяне – часть урожая помещику отдадут, остальное себе оставят.

– Ну? – недоверчиво спросила монахиня.

– Вот тебе и ну. Крестьянин-то ещё и выкупить землю сможет у господина, если заработает хорошо. Эх, завидую я тебе, Эмма.

– Почему, бабушка? – спросила девушка, всё также улыбаясь, поглаживая живот.

– Светлые времена настали. Лучшая жизнь.

Ночью у Эммы начались схватки. Видимо, растрясла живот по дороге. Проснулась она от резкой боли внизу и мокрая. Просится малыш на свет Божий, ох, как настойчиво просится.

– Бабушка! – закричала Эмма что есть мочи. – Началось!

Матушка Калиса и сестра Евдокия зашли в её келью одновременно, столкнувшись в дверях.

– Беги к старцу Козьме, сестра. Беги! А я пока повитуху позову. Потерпи, деточка, сейчас всё будет. Сейчас.

Эмма закусилась первой попавшуюся книгу, чтобы терпеть схватку было легче. А терпеть пришлось долго. Она старалась не потерять сознание, боль, страшная и всё забирающая, раздирала её изнутри.

– Ну, что там, Козьма? Что? – слышала Эмма встревоженный бабушкин голос сквозь пелену.

– Уйди, матушка, Христом Богом прошу. Мешаешь только. Одного ребёнка вытащили, а там ещё что-то, – сказал Козьма, нахмурившись.

Как бы роженицу сберечь, не потерять бы, кровушки уж больно много выходит. Рано ей ещё на небеса. Много ей ещё на земле дел найдётся.

– Что там? – не поняла настоятельница.

– Что, что? Второй ребёнок пробивается. Сестра Евдокия, прошу, уведи её. Отвлекает вопросами, мешает. Потом, всё потом, – распорядился старец тоном, не терпящим возражения.

Всё разрешилось благополучно. Две девочки. Две дочери. Счастья тоже два.

Эмма, белая, как молоко в крынке, смотрела глазами-изумрудами на два кулька и поверить не могла, что это её кровь и плоть. Красные сморщенные мордашки выглядывали из пелёнок. Дети, тоже уставшие от трудных родов, спали сутки, не прося есть, а теперь проснулись и требовали материнского молока слабым попискиванием.

– Корми, мать, коли родила, – сказала сестра Евдокия, передавая первый кулёк.

– А как?

– Мудрёное ли дело? Выпрастывай грудь и сосочек ко рту подноси. Природа разберётся.

– Старец Козьма, почитай, тебе жизнь спас. Дай Бог ему здоровья, – выступила бабушка. – Чуть не умерла ты в родах.

– Правда? – спросила Эмма, приспособив грудь к миниатюрным губкам старшей дочери.

– А ты не помнишь? Кровь как хлынула из тебя, еле остановили. Козьма остановил.

– Недаром народ окрестный любит его, – сказала монахиня. – Чудеса творит старец. Истинное чудо.

– Иди, сестра Евдокия, делом займись. Я тут с внучкой сама посижу.

Евдокия сердито поправила окуляры, ишь, помешала, выпроваживают, и вышла из узкой кельи.

– Старец не так прост, как ты думаешь, – шепотом сказала бабушка, оглядываясь по сторонам. – Обещай хранить в тайне, что скажу тебе.

– Обещаю, – сказала Эмма и серьёзно посмотрела на матушку Калису.

– Помнишь, говорили мы с тобой о чудо способностях?

– Конечно, помню.

– Так вот. Я однажды схватила его за руку и "перенеслась" в воспоминание святого старца. Никакой он не Козьма, а сбежавший от мирской суеты император Александр Первый. Он мне в своё время и монастырь, и земли монастырские помог отстоять. Был тут у нас один зловредный настоятель мужского монастыря, Иларионом звали, зарился на земли наши.

– Ты не шутишь?

– Точно говорю. Ты первая, кому я открылась. Никому не рассказывай эту тайну, но имей в виду. Хорошо?

– Хорошо, – ответила роженица задумчиво.

Прошли годы. Эмма не вспоминала этого разговора с бабушкой, пока не получила от неё письмо, изменившее всю её жизнь.

* * *

Эмма смахнула одинокую слезу, помахала ручкой мужу Николаю, закрыла дверь купе и села на мягкий вагонный диван. Поезд тронулся, а у неё аж в груди защемило. Она оставляла Петербург с тяжёлым сердцем. Девочки совсем маленькие, ещё и трёх лет не исполнилось, а приходится их оставлять на попечение отца – милого рыжего ушастика Николя, и ехать на Урал.

"Эмма, душа моя, скорее приезжай. Старец Козьма слёг и просит тебя. Каждый день справляется, не приехала ли ты. Перед смертью сказать тебе хочет, а что, не ведомо мне.

С любовью и в ожидании,

*настоятельница Покровского монастыря
матушка Калиса"*

Ну, как после такого письма не бросить всё и не отправиться в путешествие? С тяжёлым сердцем, конечно. А что поделаешь?

После долгой тревожной дороги Эмма, наконец, добралась до монастыря. Высунулась из брички и окинула его взглядом. Всё то же чудо-озеро, те же высокие крепостные стены, по которым она бегала в детстве, тот же мост к главным воротам, та же первозданная красота. И воздух. Женщина втянула в себя эту смесь запахов озёрной воды, соснового леса и свежескошенной травы. Как же тут хорошо!

Матушка Калиса и сестра Евдокия встретили её грустными улыбками. Приехала! Дождались! Глаза монахини за толстыми стеклышками окуляров покраснели. Бабушка же держалась стойко и плакать себе не позволяла. Старец Козьма дорог и мил сердцу, дружба их и поддержка в трудную минуту измерялась не годами, а десятилетиями, но слезы лить нельзя – грех. Ей ведь точно известно, что друг её попадет в лучший мир, так чего оплакивать, радоваться надобно.

– Пойдём. Пойдём скорее, – сказала матушка Калиса, хватая её за руку.

– Даже не дашь мне умыться с дороги? – удивилась Эмма.

– Вот-вот преставится. Тебя только ждёт, – ответила она уже в длинном тёмном коридоре.

Старец с закрытыми глазами лежал под образами на узкой кровати. Белая холщовая рубаха, руки и седая длинная борода – поверх одеяла. Монахиня и священник с прямой спиной сидели рядом, мерно покачиваясь.

– Проветрить бы надо, – сказала Эмма.

Свечи у икон начадили, дышать в маленькой келье было нечем. Козьма, услышав её голос, открыл глаза, уже не голубые, выцветшие, белёдые.

– Приехала. Иди ко мне, зеленоглазая. Присядь.

Монахиня и священник встали и вышли из кельи. Эмма и матушка Калиса сели на их место.

– Мне мало осталось времени. Мало. Посему сразу к делу. Просьба есть у меня к тебе, дитя.

– Сделаю, что смогу, – сказала Эмма, вспоминая, как старец жизнь спас – ей и близнецам.

– Племяннику моему помощь нужна. Вижу я, что начнутся у него проблемы вскорости.

– Какому ещё племяннику?

– Сыну брата моего Николая. Император Александр II племянником мне приходится. Разве бабушка тебе не сказывала, кто я есть на самом деле?

– Ах, это. Как же я помогу племяннику Вашему? Кто я и кто он, – сказала Эмма и пожала плечами.

– Только ты и сможешь ему помочь. Только ты. Вижу я силу твою. В бабушку уродилась – предчувствие у тебя развито. Помнишь, собаку Альфу излечила?

– Как же её забыть.

– Я видел всё и тогда ещё тебя заприметил. Помоги. Прошу, – сказал старец, приподнимаясь с постели. – Он ведь много уже сделал – крестьян освободил, железные дороги провёл, новые земли к империи присоединил. Не посрамил фамилию Романовых. А сколько ещё делает! Вижу, я всё вижу!

– Но у меня семья – муж, дети. Как же они? – сопротивлялась Эмма.

– Это твой долг. Задумайся. Может быть, ты для этого рождена? – сказала бабушка, сверкнув глазами-льдинками.

Эмма не могла больше противиться. Сначала кивнула головой, потом вздохнула.

– Хорошо. Даю слово. Буду беречь жизнь царя Александра, покуда жива буду, – твёрдо сказала Эмма и перекрестилась.

– Вот и умница, – сказал Козьма, укладываясь обратно в постель.

– Обещание надобно держать, – напомнила бабушка.

– Собоьваться хочу, – прохрипел старец.

Эмма поцеловала его сухую руку, встала и вышла из кельи.

Обещание надобно держать. Дневник Эммы

2 апреля 1866 года.

"Вчера играла с девочками в детской комнате. Рассадили кукол, подаренных маменькой на Рождество, на маленькие кресла, расставили на игрушечном столике миниатюрные чашки, налили в них настоящего чая, в тарелки положили крохотные кусочки печенья. Сами сели с чаем за большой стол, устроили дамские посиделки. Девочки были в восторге. Я тоже.

Мои милые дочери растут, с каждым днём меняясь. Скоро им исполнится пять лет. Как быстро летит время!

Заглянул в детскую Николая, и я на миг ослепла. Как будто даже заснула. Вдруг увидела лицо императора. Испуганное лицо. Перекошенное от неожиданности и страха. Может быть, это из-за того, что Николай вернулся из дворца, со службы? У меня выпала чашка из рук. Новое домашнее платье облила чаем. Растяпа".

4 апреля 1866 года.

"Утром заплетала девочкам косы и вспомнила покойного старца Козьму. Решила после полудня, как уложу детей спать, написать бабушке письмо. Давно от неё не слышно вестей.

Опять посетило видение. Узрела летний сад, лицо государя, опять испуганное, и выстрел. Точно! Грохнул выстрел. Что же это такое? Предчувствие? Что мне делать?

Надобно держать обещание".

5 апреля 1866 года.

"Это был самый ужасный день в моей жизни. Даже хуже, чем, когда свинья Машка бросилась на сестру Феоктисту и растерзала ей руку.

Я всё-таки решилась и пошла вчера к Летнему саду. Толпа там собралась преогромная. Государь-император гулять изволили. Вон и карета царская стоит у ворот. Я не знала, что мне делать, и просто стояла среди праздных зевак. Угрюмый молодой человек чем-то меня заинтересовал. Может, нервными движениями. Что он там прячет под широким пальто? Может, взглядом исподлобья. Тяжёлым взглядом.

Я подошла к нему и со словами "Сударь, Вы мешаете" схватила его за руку. Божечки, что приключилось потом! И в самом страшном сне не приснится. Я вдруг увидела этого угрюмого господина у него дома. Он сидел за круглым столом и писал, изредка приподнимая голову и обсасывая кончик пера. Задумывался, а потом опять начинал писать. Перо так и дергалось в его руке. Я заглянула в бумагу.

"Друзьям-рабочим!

Грустно, тяжело мне стало, что погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел – я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. А не удастся, так всё же я верю, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось – им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их".

Потом он встал, положил прокламацию в левый карман, пистолет – в правый, и вышел на улицу.

Это он! Он! Хотела я закричать, но увидела государя. Александр II казался счастливым, беззаботным. Рядом с ним шли его племянник и племянница. Они смеялись, не ожидая беды. А она рядом, беда-то. Время как будто замедлилось. Угрюмый распахнул полы широкого пальто. Я закричала "У него пистолет! Он убьёт царя!"

Как же здорово, что картузник, мы у него шляпку заказывали в прошлом месяце, не потерялся и ударил убийцу по руке. Угрюмый пошатнулся и промахнулся. Слава тебе, Господи! У меня, кажется, получилось".

6 апреля 1866 года.

"Никак не могу позабыть происшествие у Летнего сада. Глаза закрою и вижу лицо дворянина Каракозова, сосредоточенное на главном деле его жизни, и движения такие, как будто время замедлило ход.

Как картузник Осип Комиссаров толкнул его. Вовремя! Николая говорит, что картузнику дворянское звание пожаловать должны. За спасение представителя царской фамилии.

Как Каракозова схватили, а он кричал, прямо мне в лицо кричал.

– Дурачье! Ведь я для вас же старался, а вы не понимаете!

Офицер подвёл террориста к царю, а он спокойно так и сказал: "Ваше величество, вы обидели крестьян". И взгляд. Опять этот взгляд исподлобья. Бр-р-р.

Господи, да чем же он их обидел-то? Не понимаю".

3 сентября 1866 года.

"С утра тревожилась. Как будто вот-вот услышу что-то важное. Вечером пришёл Николая и сказал, что террориста Николая Каракозова повесили в Петропавловской крепости. Тягостно. Не знаю отчего".

23 мая 1867 года.

"Боже мой, как прекрасен Париж! И эта весна в Париже чудесна. Здесь всё не так, как у нас в России. И эти уличные кафе на три столика, где можно присесть и выпить кофе с круасаном. И эти кривые улочки, мощённые крупным камнем. Должно быть, по ним гуляли Вольтер и Виктор Гюго. А запах? Какой же здесь стоит запах! Цветочные нотки, кофейный аромат, дурман от свежей выпечки. А пройдёт дама или лощённый франт, так ещё примешается тонкий аромат парфюма. М-м-м. Париж.

Как хорошо, что Николая взял меня с собой. Он весь в делах – государь с официальным визитом, а я могу гулять по городу, по модным магазинам, выбирать подарки дочерям, маменьке и свекрови.

Николенька сильно изменился. Стал о делах печься больше. А ввечеру мне сказал, что мечтает подняться до должности самого главного камергера. А после выхода со службы получить поместье и жить в большой зелёной усадьбе. Николай и Эмма Радовы – помещики. Звучит странно".

25 мая 1867 года.

"Совсем я здесь разленилась, разнежилась. Проснулась поздно, встала, подошла к окну, раздвинула тяжёлые портьеры и...

Солнце. Яркое, сильное, режущее.

Я прикрыла веки и увидела. Опять. Как наяву. Увидела всё до мелочей. И опять этот взгляд. Полный ненависти и злобы.

Эти видения меня пугают. За что мне это? Мне страшно. Что делать? Ехать или нет? Не знаю, и спросить совета не у кого".

26 мая 1867 года.

"Вчера позавтракала булкой с маслом и клубничным вареньем, посидела, подумала, вспомнила обещание, данное старцу Козьме, и всё-таки поехала к Булонскому лесу. И, как оказалось, не зря. Лошадь жалко, право слово.

Царь ехал в открытой карете. Как сейчас вижу его улыбку и вензель "N" на дверце. С ним сам французский император Наполеон III. А вот и он – мой герой из видения. Высокий юноша в цилиндре направил дуло пистолета прямо в государя.

– Это он! Смотрите, у него пистолет.

Я кричала как ужаленная, переходя на визг. Грянул выстрел. Кавалерист из охраны Наполеона III загородил карету. Высокий в цилиндре оглянулся посмотреть, кто кричал. Этот злобный взгляд мне не забыть никогда.

Пуля попала в лошадь. Бедняжка умерла на месте. Спасла жизнь представителю царской фамилии, как сказал позже Николая. Дворянское звание ей вряд ли дадут. Даже посмертно.

Я вернулась в номер измотанная. Потянулась к графину, хотела налить воды в стакан, расплескала. Руки тряслись как трамвай на старых рельсах. Одно успокаивало – получилось.

ОН спасён. Дважды".

30 мая 1867 года.

"Я немного успокоилась. Всё-таки прогулки по Парижу действуют на меня как чай с ромашкой и мятой. Успокаивают.

Николя сказывал утром за чаем, что задержанный террорист родом из Польши и желал отомстить царю за подавление польского восстания. Имя его Антон Березовский".

25 марта 1869 года.

"В какое чудесное время мы всё-таки живём, уму непостижимо! В золотой век прогресса, в век изобретений и открытий. Так радостно. За завтраком читала газеты. Отрывок даже зачитала Николая и девочкам.

Дмитрий Иванович Менделеев предложил химические элементы записывать в таблицу. Он назвал это Периодической системой.

– Ну и что здесь такого? – спросила Анхен.

– Я тоже не понимаю, чему ты так радуешься, – поддержал дочь Николай.

– Как что?! Изучать химическую науку теперь будет гораздо проще! – сказала я, но домоладцы меня так и не поняли".

2 июля 1870 года.

"Я потрясена до глубины души, до самых глубинных глубин. Как так можно?! Что это за люди народились на свет Божий?! Бесы, а не люди.

Читала "Правительственный вестник" с заседания суда дела об убийстве студента Иванова. Онный студент, будучи членом революционного кружка, выступил против расклейки листовок в Петровской академии. Боялся, что академию тогда закроют. Главарь этой секты

некто Нечаев – всего-то двадцать три года! – обвинил студента в сговоре с властями и задумал его убить. А сам просто почувствовал, что его авторитет в революционном кружке пошатнулся. Подговорил двух своих приспешников, по дороге позвал сочувствующего литератора. Заманил Иванова в грот Петровской сельскохозяйственной академии. Как студент ни сопротивлялся, его убили и бросили в пруд.

И эти люди хотят получить власть?! Прикрываясь идеалами и романтикой, пудрят мозги молодым неокрепшим умам, а сами алчат господства и диктатуры. Они ни перед чем не останавливаются – шагают по колено в крови. Что же нас ждёт тогда? Ад крошечный на Земле?

Говорят, этот Сергей Нечаев составил целый список кандидатов на уничтожение. Истинно, Антихрист во плоти".

30 мая 1871 года.

"Ещё одно кровавое правительство пало во Франции.

Самоуправление, названное Парижской коммуной, во главе с неоякобинцами, социалистами и анархистами за три последних дня своего существования расстреляло 63 человека, не представлявших для них угрозу.

Куда катится этот мир?"

2 апреля 1878 года.

"Дикость, дикость и ещё раз дикость.

Как могла молодая, в сущности, женщина дважды выстрелить в живого человека? Пусть петербургский градоначальник Фёдор Фёдорович Трепов – не ангел. Пусть он отдал приказ выпороть арестанта за то, что тот шапки не снял. Но стрелять-то зачем?

Как мог суд присяжных оправдать Веру Засулич? Жалко им её стало. А председатель суда Анатолий Кони? О чём он думал? В либерала поиграл, покрасовался. Как же, как же. Посмотрю я, как идеи революционного терроризма захлестнут сначала молодёжь, а потом и всю страну. Все мы от этого горько поплачем. Бедная России, что же тебя ждёт?"

30 декабря 1878 года.

"Время скачет, как кавалерист на выездке, а иногда летит, как пушечное ядро из жерла пушки, отлитой прадедушкой на Уральских заводах Демидовых. Ба-бам! А девочки уже взрослые, скоро окончат Смольный институт, выйдут замуж и выпорхнут из семейного гнезда. Навсегда. Так страшно, аж сердце замирает. Что я буду без них делать?

Прочь, прочь эти дурные мысли! Сейчас мы вместе. Все живы и здоровы. Это главное".

15 февраля 1879 года.

"Ну, вот. Дождались. Либеральничали с революционными террористами? Получайте.

В Харькове убит губернатор генерал-майор князь Кропоткин. Революционеры приговорили его к смерти за жестокое обращение в тюрьмах с заключёнными".

1 апреля 1879 года.

"Боже мой, я думала, этого никогда больше не случится. Но вчера меня опять посетило видение.

Мы были в гостях у маменьки. Девочки играли в четыре руки на рояле и пели романс Александра Фета. Подали чай и абрикосовый пирог. Я взяла чашку, заглянула в неё, а там...

Представитель царской фамилии, как говорит Николая, Александр II, собственной персоной. Пригнулся, дрожит. Неужели опять это будет?

Я знала, когда это случится, и вечером места себе не находила. Задумала вышивать, строчки кривились, уколола палец. Принялась читать новый роман Фёдора Михайловича Достоевского, ни черта не поняла. Чем ближе был роковой час, тем беспокойнее мне становилось. Лихорадило. В висках стучало, как набат. Скооо-ро! Скооо-ро! Скооо-ро! И старец Козьма предстал перед глазами".

2 апреля 1879 года.

"Зачем эти прогулки? Скажите мне. Зачем? В одиночку. Без охраны. Ну, ведь было же уже. И не единожды. Зачем давать повод дурным людишкам к соображениям, что это вообще возможно?"

Я проснулась, быстро собралась и всё же поехала туда, к Зимнему дворцу. Стояла, пританцовывая от холода. Ждала недолго, и появился император. Шёл беспечно по набережной Мойки, по-моему, что-то напевал. За ним увязался неврастеничного вида господин, похожий на Гоголя, с длинной косой чёлкой и длинным же носом. Царь, предчувствуя неладное, ускорил шаг. Дёрганный тоже ускорился. Я к ним наперерез.

– Не стреляй! Опусти оружие! – закричала я.

Гулкое эхо разнесло мой голос по округе. Неврастеник вздрогнул от неожиданности и выстрелил в спину Александра. Царь пригнулся и бросился бежать. Дёрганный стрелял и стрелял, кажется, прогремело три выстрела. Люди услышали. Один из жандармов догнал и ударил нападавшего по спине, а тому хоть бы что. Умудрился ещё раз выстрелить в царя. Пятая пуля предназначалась для толпы, которая стремительно его окружала. Удивительно, но ни одна пуля не достигла цели".

4 апреля 1879 года.

"Этого неврастеника зовут Александр Соловьёв. Он начитался книжек, наслушался ораторов из общества "Земля и воля", возомнил себя вершителем судеб, а сам толком стрелять не умеет. Николая сказывал, что оружием он вообще не владеет. Купил самый дешёвый пистолет и даже не пристрелял. Ну и хорошо.

Зачем он, Соловьёв, это сделал? Чем ему царь не угодил? Ему лично чем?

Всё время задаюсь этими вопросами и не могу найти ни одного разумного ответа. Не понимаю".

17 июля 1879 года.

"Отдых на юге – благодать Господня. Николай по долгу службы поехал с царской семьёй на отдых, а мы – я и девочки, отправились вслед за ними. Николая надеется, что в этом или следующем году получит новую должность, а там и поместье не за горами. Только о нём и говорит. Даже садовые скульптуры уже мысленно расставляет. Я только улыбаюсь".

2 ноября 1879 года.

"Как чудесен Крымский берег! Цветение трав, благоухание цветочных кустов, резкая тень от кипарисов, терпкий вкус южных ягод, татарские лепешки, жареные мидии и рыбка –

всё это для нас, северян, дико, непривычно. А утром, пока знойное солнце не начнёт жарить, купания в море и ленивое лежание на берегу. Я ходила и восторженным взглядом замечала каждую мелочь – низко пролетающую чайку, особенно зелёную, изумрудную волну, откопанную детьми раковину, похожую на ювелирное украшение. Эх! Как быстро всё это закончилось".

12 ноября 1879 года.

"Полгода. Всего полгода прошло с третьего покушения на государя, и опять мне тревожно. Ночью плохо спала, вздрагивала, просыпалась в поту.

Накануне Николая пришёл взволнованный. Сказал, что от общества "Земля и воля" отделилась группа безумцев. Фантазии не хватило как назваться "Народная воля". Цель – убить императора.

Ну, чего им не живётся спокойно?! И крестьян государь освободил, и образование реформировал – живи, учись! Нет, им ещё и власти народной хочется. Им? Власти? Бред какой-то.

Вывод неутешительный: моя задача усложняется с каждым разом. Теперь не одиночки-неврастеники будут стрелять в царя, а организованная террористическая группа нападёт на царя где-нибудь исподтишка. Боже, за что мне всё это? За что? А бабушки нет рядом. И рассказать больше некому".

17 ноября 1879 года.

"Мы едем из Крыма на двух поездах – в одном царь с семьёй, в другом – свита и багаж.

Ехали через туннель, в вагоне стало так темно, что показалось, в преисподнюю провалились. И вдруг круг образовался. Прямо в этой крошечной темноте – круг. Опять видение. Страшно. Руки трясутся, голова кружится, но делать нечего – уже не только царя, всех нас спасти надобно. Как из туннеля выехали, я схватила Николая, хотя он и сопротивлялся, и бежать к начальнику охраны.

– Нельзя через Одессу. Христом Богом прошу, измените маршрут, – сказала я как можно убедительнее, а сама вот-вот расплакаться была готова.

– Чегой-то? – усомнился braveй служака с подкрученными усиками.

Если б ни муж-придворный, он бы меня и слушать не стал. Такого не сдвинешь с места.

– Все погибнем мученической смертью, если через Одессу поедем, – сказала я уже спокойнее.

– Слушай её, полковник, она у меня блаженная. И по мелочи предсказывает, и большое горе предчувствует, – сказал Николай, утвердительно качая головой. Правда-правда.

Начальник охраны покосился на меня боязливо, моргнул три раза, сглотнул, дёрнул подбородком влево, поправил китель.

– Чёрт с вами! – решил он. – Едем через Александровск. Но об этом никому, ни одной живой душе".

18 ноября 1879 года.

"Ещё не успела проснуться и открыть глаза – цветами пахнет. Улыбнулась. Люблю цветы. Вчера начальник охраны сам пришёл в наше купе. Долго тряс руку Николая, мне козырнул и преподнёс букет хризантем. Где он их раздобыл в ноябре, да на железной дороге, одному Богу известно.

– Это удивительно. В Одессе, и правда, нашли заложенную под путями бомбу. В четырнадцати километрах от города. Если бы не Вы, мы все погибли б.

Моя жизнь превратилась в кошмар. Одессой дело не ограничилось. Во-первых, террористы разработали даже не два плана, а целых три. Какие предусмотрительные негодяи. Во-вторых, узнав, что императорский поезд не прибыл в Одессу, быстро сориентировались в ситуации. Как будто кто-то им помогает. Ни Бог, это точно. Тогда кто?

В-третьих, я заснула и увидела сон. Не сон даже это был, а полудрёма. Будто один из активистов, народоволец Андрей Желябов, надевает купеческую фуражку и скрипучие сапоги, подпоясывает богатую рубаху вышитым кушаком, кладёт в карман нового пиджака пачку ассигнаций и идёт куда-то. Приобретение участка земли с покосившимся домиком в Александровске, где проходили железнодорожные пути, оказалось делом пустяковым. А вот подкоп и закладка мины потребовали сил, знаний и терпения. У них всё это получилось. Почти.

Я проснулась, не понимая, сон это был или предсказание. Выпила стакан чая, не переставая думать о сне, о народовольцах, о mine, которая разорвёт железнодорожный состав на куски, об окровавленных частях тела под искореженным металлом.

– Вот! – закричала я, когда мы подъехали к покосившемуся домику лже-купца.

"Сейчас! Это будет сейчас!" – закричало у меня в голове.

Я взяла со стола бутылку с молоком, вышла из купе – так громко билось сердце у меня в ушах, открыла окно в коридоре вагона и бросила бутылку что было сил, в окно покосившегося дома у дороги. Закрыла глаза и уши, присела и перестала дышать.

Ничего.

Только мерный стук колес".

19 ноября 1879 года.

"Кошмар продолжается.

Никогда ещё путешествие поездом не было для меня таким страшным. Я опять "вижу". Женщину. Молодую, из благородных, эдакая командирша среди пролетариев и студентов. С ней придётся повозиться. Они опять заложат бомбу. Заминируют пути к Москве. Причём знают, что поезда два – в первом багаж, во втором их цель, государь император Александр II. Что мне делать?

Недолго думая, пошла к начальнику охраны. Одна. Принял сразу, нервно подкручивая франтоватые усики. Объяснила всё, как есть. Решили объявить багажный состав неисправным, а царский поезд без задержек пустить первым. Пересадили быстро свиту, и до Москвы шли без остановок.

Я чувствовала, где она лежит, эта злосчастная бомба, это концентрация зла человеческого. От места заминирования так страшно "фонило", что я даже зажмурилась, когда мы проезжали мимо. Зато позже, под багажным поездом рвануло так, что местные собаки и курицы оглохли. Люди не пострадали. Спасибо тебе, Господи, что помог мне. В очередной раз. Спасибо.

Правда, силы мои на исходе. Предвидение забирает всю мою энергию. Я вымотана до основания, до последней капельки. Глаза, некогда зелёные, потемнели и "провалились", золотистые локоны стали пегими, руки трясутся мелкой дрожью.

Надеюсь, террористов арестуют, и кошмары мои на этом закончатся".

1 декабря 1879 года.

"Перед рождественским постом во дворце освободилась должность обер-шталмейстера, а там и до обер-камергера недалеко. Николая в полной ажитации. Места себе не находит. Дома всё ходит и ходит из угла в угол. То вдруг в окно начнёт смотреть, приглядывается. То вздрагивает от колокольчика в дверь. Вдруг это нарочный из дворца с хорошими вестями?"

3 декабря 1879 года.

"Обер-шталмейстером его Величества назначен Строганов. Младше Николеньки по возрасту и по выслуге лет. Зато род знатный, древний, не чета Радовым. Написать, что Николай раздавлен, ничего не написать. Мне кажется, он поседел за два дня. Глаз у Николя дёргался неделю".

4 февраля 1880 года.

"Были в театре. Давали "Ревизора" Гоголя. Когда началась сцена, где гости сидели на званом ужине по случаю сватовства, маменька так лихо сложила лорнет, что я вздрогнула от хлопка и вжала голову в плечи. Потом осторожно огляделась по сторонам. Ничего не обычного: дамы в вечерних туалетах, кавалеры, офицеры, франты – все смотрят на сцену. Я тоже туда посмотрела и не поверила своим глазам.

На театральной сцене сидела вся царская семья, включая далёкие от престола династические ветви. Они ужинали, разговаривали, шутили, смеялись. Из-за кулис на них смотрел парень с красными глазами в потрёпанной одежде с молотком в руках – плотник, наверное. А за ним стояла барышня-террористка, та, что из благородных. Я моргнула, и видение исчезло.

Неужели опять?!

Я устала".

5 февраля 1880 года.

"Проснулась с ощущением предстоящей беды. Потом узнала от мужа, что сегодня в Зимнем дворце будет торжественный ужин. Приглашена вся императорская семья. Прямо как в моём театральном видении. Нужно успеть!

Во дворец прорвалась с трудом. Немного удивлённый моим визитом, показалось, что даже обескураженный, вышел Николя, и меня пропустили. В четверть седьмого я встретила императора в коридоре дворца. Присела в поклоне, посмела заговорить. Офицер охраны хотел было меня отстранить, но Александр II мне улыбнулся, как старой знакомой, и я смогла удержать его внимание в течение пяти минут.

Раздался оглушительный взрыв. Казалось, что высокий потолок дворца сейчас рухнет нам на головы. Когда всё стихло, я бросилась в столовую. Её разнесло напрочь – стена треснула, старинная мебель лежала в опилках, от китайского сервиза остались осколки, на накрытом столе лежала громадная люстра, зеркала треснули, в паркете зияла дыра. Я прикрыла рот и нос платком – в воздухе летала пыль и взвесь от штукатурки. Слава Богу, что царской семье и даже прислуги не было в тот момент в зале. Слава Богу".

7 февраля 1880 года.

"Только что вернулась со Смоленского кладбища. Холод и ветер кусали лицо и руки. Покосившиеся могильные камни стояли под шапками снега. Государь, несмотря на опасность нового нападения, тоже был на похоронах. Возложил венок. Говорят, распорядился о наградах погибшим гвардейцам охраны и выплатам их семьям.

Всё очень странно и подозрительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.